

**На правах рукописи
УДК 811.111**

Пюро Людмила Николаевна

**БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЯВЛЕНИЯ
ПРИРОДЫ И СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА, В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА
МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ VIII – XVII ВВ.)**

Специальность: 10.02.04 – германские языки

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

**Санкт - Петербург
2013 г.**

Работа выполнена на кафедре английской филологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

Научный руководитель:

Гурочкина Алла Георгиевна

кандидат филологических наук, профессор,
профессор кафедры английской филологии
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего
профессионального образования «Российский
государственный педагогический университет им.
А. И. Герцена»

Официальные оппоненты:

Филимонова Ольга Евгеньевна

доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой английского языка
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего
профессионального образования «Российский
государственный педагогический университет им.
А. И. Герцена»

Нильсен Евгения Александровна

кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой английского языка и перевода
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего
профессионального образования «Санкт-
Петербургский государственный экономический
университет»

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Пятигорский
государственный лингвистический университет»

Защита состоится «25» декабря 2013 г. в 11.30 часов на заседании диссертационного совета Д 212.199.05, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» по адресу: 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, корпус 14, ауд. 314.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, корпус 5.

Автореферат разослан «___» _____ 2013 г.

Ученый секретарь совета

А. Г. Гурочкина

Общая характеристика работы

Реферируемое диссертационное исследование посвящено изучению эволюции представлений о категории «безличность» и актуализирующих ее безличных предложениях, обозначающих явления природы и состояние человека, с позиций современной когнитивно-коммуникативной парадигмы научного знания.

Степень научной разработанности темы исследования. Категория «безличность» и основной способ ее актуализации в языке – безличные предложения – на протяжении столетий привлекали внимание представителей различных областей отечественной и зарубежной науки: философов (В. Ф. Асмус, Ф. Brentano, Б. Бозанкет, А. Марти, А. Ф. Лосев, Н. О. Лосский и др.), логиков (А. Арно, А. С. Ахманов, Х. Зигварт, К. Лансло, Ш. Серрюс, П. В. Таванец и др.), психологов (В. Вундт, И. Ф. Гербарт и др.), лингвистов (Ш. Балли, С. Д. Кацнельсон, А. А. Потебня, М. И. Стеблин-Каменский, В. Н. Ярцева и др.). Проблемам происхождения, семантического и структурно-синтаксического своеобразия, а также эволюции безличных предложений в индоевропейских и германских языках посвящено множество исследований, выполненных в рамках различных лингвистических научных парадигм XIX – XXI вв.: традиционной лингвистики (Ф. И. Буслаев, М. М. Гухман, Б. А. Ильиш, А. Мейе, А. А. Шахматов, W. van der Gaaf, G. G. Pocheptsov, F. Visser и др.), генеративной грамматики (W. Elmer, O. Fischer, F. van der Leek, F. Osawa и др.), когнитивной лингвистики (А. Г. Гурочкина, Н. А. Кобрина, R. Langacker, M. Smith и др.).

Отмечая амбивалентность и противоречивость термина «безличность» в отношении исследуемых предложений, исследователи предлагали различные пути устранения сложившегося противоречия. Однако многие вопросы относительно сущности, когнитивного (семантического) и структурно-синтаксического своеобразия вплоть до настоящего времени не нашли своего решения с достаточной степенью полноты и конкретности в рамках традиционного структурно-семантического описания языка.

В этой связи **актуальность** диссертационного исследования обусловлена тем, что работа выполнена в русле современной когнитивно-коммуникативной и биокогнитивной парадигмы научного знания с привлечением достижений смежных наук (философии, психологии, антропологии, культурологии, биологии познания), изучающих человека в совокупности со всеми его физиологическими, перцептивными, сенсомоторными и другими системами и параметрами, участвующими в процессе семиозиса.

Объектом исследования являются традиционно именуемые безличными предложения английского языка, обозначающие явления природы и состояние человека, рассматриваемые на материале письменных памятников VIII – XVII вв.

Предметом исследования выступают когнитивные и структурно-синтаксические особенности исследуемых предложений в древне-, средне- и

ранненовоанглийском языке.

Теоретическую и методологическую основу диссертации составляют исследования отечественных и зарубежных ученых в области:

- когнитивно-дискурсивной парадигмы (Н. Д. Арутюнова, И. К. Архипов, Н. Н. Болдырев, Т. Л. Верхотурова, А. Г. Гурочкина, Н. А. Кобрина, А. В. Кравченко, Е. С. Кубрякова, S. Cowley, R. Langacker, H. Maturana, S. Steffensen, T. Järvillehto, F. Varela и др.);
- философии человека, антропологии и культурологии (Ф. Боас, Я. Э. Голосовкер, А. Я. Гуревич, Л. Леви-Брюль, А. Ф. Лосев, М. И. Стеблин-Каменский, Э. Б. Тайлор, J. Grimm и др.);
- психологии и психолингвистики (В. Вундт, Л. С. Выготский, А. А. Залевская, А. Р. Лурия, T. Järvillehto и др.);
- логико-философского направления науки (А. С. Ахманов, Ф. Brentano, И. Ф. Гербарт, Х. Зигварт, А. Марти, П. В. Таванец, А. Тренделенбург и др.);
- общего и сравнительно-исторического языкознания (Ш. Балли, Э. Бенвенист, Ф. И. Буслаев, К. Бюлер, Т. В. Гамкрелидзе, А. Мейе, А. А. Потебня, А. Н. Савченко, Ю. С. Степанов, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов и др.);
- диахронического синтаксиса германских языков (К. Бруннер, М. М. Гухман, Б. А. Ильиш, С. Д. Кацнельсон, Т. А. Расторгуева, А. И. Смирницкий, М. И. Стеблин-Каменский, В. Н. Ярцева, W. van der Gaaf, M. Ogura, G. G. Pocheptsov, M. Rissanen, E. C. Traugott, F. Visser, N. Wahlen и др.);
- генеративной грамматики (W. Elmer, O. Fischer, F. van der Leek, F. Osawa и др.);
- лингвокультурологии (А. Вежицкая, С. Г. Тер-Минасова и др.).

Целью работы является изучение и описание специфики эволюции безличных предложений английского языка, номинирующих явления природы и состояние человека, определение их особенностей, обусловленных перцептуально-когнитивной основой формирования их структуры и значения.

Реализация поставленной цели обуславливает необходимость решения следующих **задач**:

1. описать существующие подходы к изучению категории «безличность» в различных парадигмах научного знания (логике, философии, психологии, лингвистике);
2. представить генезис и семантические особенности окончания и.-е. и германского глагола 3-го лица ед. ч. настоящего времени и германского местоимения 3-го лица ед. ч.;
3. выявить когнитивные и структурно-синтаксические особенности становления и развития исследуемых предложений английского языка в их соотношении с актами категоризации феноменологического опыта и структурального знания, сформированного англосаксонским социумом;
4. на основе проведенного анализа уточнить грамматический статус

безличных предложений английского языка, номинирующих явления природы и состояние человека.

Методы исследования. Для решения поставленных задач в качестве основных методов исследования в работе применяется когнитивный подход, включающий позицию наблюдателя как перцептивно-когнитивного языкового субъекта, а также положения биокогнитивной лингвистики, акцентирующие перцептивный аспект формирования знания. В исследовании также используются диахронно-описательный, диахронно-сопоставительный, структурно-семантический, контекстуально-интерпретативный, когнитивно-дискурсивный методы анализа языковых единиц.

Материалом исследования послужили 480 примеров, извлеченных из текстов древне-, средне- и ранненовоанглийского периодов (VIII – XVII вв.), представленных в электронных корпусах текстов (The Toronto Dictionary of Old English Corpus, The Corpus of Middle English Prose and Verse), а также в исторических словарях английского языка (The Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary, The Electronic Middle English Dictionary, The Oxford English Dictionary).

Положения, выносимые на защиту:

1. Предложения английского языка, обозначающие явления природы и состояние человека, традиционно рассматриваемые как безличные, более корректно и правомерно рассматривать как разновидность личных, субъектно-субстанциональных предложений, поскольку они являют собой результат отражения перцептивно-когнитивного опыта взаимодействия субъекта-наблюдателя с окружающим миром, а в их поверхностно-синтаксическую структуру всегда включен субъект – каузатор действия или носитель состояния.

2. Особенностью эволюции безличных предложений английского языка, номинирующих явления природы и состояние человека, является их структурно-синтаксическая и семантическая вариативность, проявляющаяся на разных этапах развития английского языка в функционировании глагольных и именных конструкций односоставной (бесподлежащей) и/или двусоставной синтаксической структуры.

3. Односоставные (бесподлежащие) предложения, обозначающие явления природы и состояние человека, являются отражением наиболее ранней стадии развития английского языка и картины мира раннесредневекового человека, сформировавшейся на основе взаимодействия человека с окружающей средой. Воспринимая те или иные явления природы всеми своими органами чувств, раннесредневековый субъект-наблюдатель ощущал себя неотъемлемой частью динамичной, живой среды, свою невыделенность из нее и, опираясь на свой феноменологический опыт, выражал на языковом уровне свое состояние формой косвенного падежа, а происходящие природные явления только посредством предиката в форме 3-го лица ед. ч., имплицитующего своей формой неосмысленного, но интуитивно осознаваемого некоего активного субстанционального начала (субъекта), бессознательного «оно», управляющего всем происходящим.

4. В среднеанглийский период основным и продуктивным средством описания природных явлений и состояний человека становится двусоставная структура предложения с подлежащим, выраженным личным местоимением (субъект восприятия своего состояния) или местоимением ср. р. *(h)it*. Местоимение *(h)it*, выступая как полноценный семантический компонент, выражает различные контекстно-вариативные значения, замещая широко трактуемого в работе субъекта-каузатора действия и состояния, в роли которого выступают одушевленный деятель, событие, активная стихия, конкретный натурфакт (природное явление), неотделимые от среды своего проявления, отражающие реализацию феноменологического и структурального знания субъекта-наблюдателя.

5. Местоимению *(h)it*, наряду с функцией замещения, присуща функция контекстуального, локализованного, нелокализованного дейксиса. В функции *контекстуального (анафорического) дейксиса* местоимение *(h)it* замещает ранее упомянутый в тексте антецедент. В функции *локализованного (наглядного) дейксиса* местоимение *(h)it* замещает определенное природное явление, попавшее в перцептивно-когнитивный фокус конкретного наблюдателя в рамках его перцептуального пространства. В функции *нелокализованного (мысленного) дейксиса* местоимение *(h)it* замещает природные явления, не связанные с конкретной перцептивной ситуацией, но воссозданные говорящим посредством интерпретации ситуации на базе концептуально сформированного и социально воспринятого результата опыта социума.

6. Закрепление двусоставной структуры предложений, обозначающих явления природы и состояние человека, является итогом длительной эволюции языка и сознания человека, развития его представлений об окружающем мире, что отразилось на переосмыслении сущности различных внешних и внутренних процессов, являющихся неотъемлемым атрибутом жизнедеятельности человека, итогом многовекового индивидуального феноменологического опыта и структурального знания многих поколений англоязычного этноса.

Научная новизна диссертации обусловлена тем, что в ней впервые осуществляется междисциплинарное исследование эволюции так называемых безличных предложений английского языка, обозначающих явления природы и состояние человека, с привлечением результатов исследований смежных наук по проблемам человека (философии, антропологии, (когнитивной) психологии, культурологии, биологии познания). Впервые развитие исследуемых языковых единиц рассматривается с позиций когнитивного подхода и биологии познания, где точкой отсчета выступает человек как субъект восприятия и познания в совокупности с его когнитивно-биологическими свойствами и процессами.

Теоретическая значимость диссертации определяется ее вкладом в изучение проблемы безличных предложений английского языка, обозначающих явления природы и состояние человека, с позиций когнитивного и биокогнитивного подхода и обеспечивается уточнением грамматического статуса данных языковых единиц на базе использования основных достижений

современной парадигмы научного знания.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования материалов диссертационного исследования при разработке лекционных и практических курсов по грамматике английского языка, истории английского языка, введению в германскую филологию, а также при написании курсовых проектов и выпускных квалификационных работ студентами, обучающимися по программам подготовки бакалавров и магистров.

Степень достоверности результатов проведенного исследования обеспечивается: последовательной и логически непротиворечивой реализацией теоретико-методологических основ исследования, широтой информационной базы, использованием комплексной методики обработки языкового материала, адекватной предмету, задачам и этапам исследования.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были представлены на всероссийских межвузовских научных конференциях «Герценовские чтения» (г. Санкт-Петербург, 19–20 мая 2011 г., 23–24 апреля 2012 г., 16–17 мая 2013 г.) и на научных аспирантских семинарах кафедры английской филологии РГПУ им. А. И. Герцена «Проблемы когнитивной лингвистики». По теме диссертации опубликовано восемь научных работ общим объемом 2,4 п.л., включая материалы трех конференций, и пять статей, из них четыре статьи – в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией.

Структура работы определяется целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии. Содержание исследования изложено на 186 страницах, из которых 154 страницы основного текста. Библиографический список содержит 290 наименований научных трудов, из них 57 на иностранном языке, а также список словарей и источников фактического материала.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается выбор темы, ее актуальность, формулируются цели и задачи исследования, определяются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, излагаются основные положения, выносимые на защиту, описываются материал и структура диссертационного исследования.

В **первой главе «Эволюция представлений о категории “безличность” в различных парадигмах научного знания»** проводится обзор теоретических проблем, связанных с эволюцией представлений о категории «безличность» и актуализирующих ее безличных предложениях, обозначающих явления природы и состояние человека, в рамках логико-философского учения, а также в различных лингвистических научных парадигмах (традиционной, структурной, когнитивно-коммуникативной).

Среди наиболее существенных признаков категории «безличность»

исследователи, работающие в рамках различных научных направлений, называют невыраженность лица – субъекта действия и, следовательно, независимость действия от деятеля или состояния от его носителя. Основным средством выражения категории «безличность» на языковом уровне являются так называемые безличные предложения.

Поскольку проблема субъекта является одной из центральных для исследуемого круга вопросов, в работе представлена трактовка данного понятия в различных парадигмах научного знания (логике, философии, психологии, лингвистике).

Для логики, науки о законах и формах мыслительной деятельности, одним из важных вопросов, восходящих еще к воззрениям греческих философов V – I вв. до н. э., является проблема изучения языка в его отношении к мышлению, знанию и познанию физического мира. Ученые, работающие в рамках логического подхода к языку, на протяжении длительного времени уделяли значительное внимание выражению в языке логических форм мысли, определению грамматических категорий по их отношению к универсальным категориям логики: слова к понятию (концепту), части речи – к выполняемой ею логической функции, предложения – к суждению и т.п.

Суждение определяется в логике как смысл предложения, в котором что-либо утверждается или отрицается, и что может быть оценено как истинное или ложное [Аристотель 1978; Асмус 2001; Ахманов 1957; Таванец 1956 и др.].

Являясь целостной мыслью, суждение, по мнению ученых, обладает субъектно-предикатной структурой, которая впервые была выделена Демокритом, создателем первой системы логики в Древней Греции и заимствована впоследствии Аристотелем. В своих учениях Демокрит называл субъект суждения «именем», а предикат «глаголом». Аристотель под логическим субъектом имел в виду предмет мысли (или понятие о предмете мысли), а под логическим предикатом – признак, приписываемый данному предмету (или понятию о предмете мысли) [Аристотель 1978; Маковельский 2004].

Рассматривая предложения, в частности, безличные, по модели суждения, отечественные и зарубежные ученые XIX – XX вв. высказывали различные точки зрения относительно их структуры.

Взгляд, восходящий к Демокриту и Аристотелю, нашел свое отражение в логико-философских исследованиях таких ученых, как А. Арно, К. Лансло, Х. Штейнталь, В. Вундт, Х. Зигварт, В. Ф. Асмус, П. В. Копнин и др., которые, являясь приверженцами двучленной структуры предложения, трактовали его составляющие по-разному. Так, субъект безличного предложения представляется ученым «неопределенным» [Асмус 2001; Копнин 1957; Таванец 1956] и трактуется как некая «всеобщая сущность» [Graffi 2001], как неразрывное единство с предикатом [Зигварт 2008].

Другие исследователи отстаивали точку зрения, согласно которой в основе безличных предложений лежит одночленное суждение с одним

предикатом или нерасчлененным субъектно-предикатным единством [Брентано 1996; Марти 2004; Серрюс 1948; Тренделенбург 2011].

В философии *субъект* традиционно рассматривается в единстве с категорией *объект*. В раннеисторический и античный периоды эти категории являли собой имманентное единство. Сфера природы и сфера человека не различались. Древний человек, по мнению философов, не выделял себя из окружающего мира, перенося на него свое одушевление, делая тем самым все материальное живым, движимым некими мистическими силами [Боас 1926; Леви-Брюль 1937, 1994; Лосев 1996; Мелетинский 1976; Тайлор 1989 и др.].

Подобное мировосприятие древнего человека ученые связывали с отличительными особенностями его мышления: особой познавательной способностью – «имагинативной» логикой [Голосовкер 2010], сосуществованием «пралогического», или «мистического» способа мышления наряду с логическим [Леви-Брюль 1937, 1994].

Распространение христианства в эпоху средневековья (V – XV вв.) способствовало выделению субъекта-человека из универсума и обращению к его личности как к наивысшему творению Бога. Все природные явления в этот период наделялись сверхразумным происхождением [Майоров 1979; Гайденоко, Смирнов 1989], что, однако, не было характерно для древнегерманских народов раннего средневековья, у которых черты мифологического мышления сохранялись вплоть до X – XI вв.

В период Возрождения (XV – XVI вв.), эпоху антропоцентризма, субъект-человек наделялся статусом автономной личности, центра, вокруг которого размещался остальной мир. Происходит расширение сфер познания окружающего мира, а также переосмысление внутренней природы человека, чувства и эмоции которого, трактуемые ранее в качестве неких самостоятельных сил, стали рассматриваться в качестве неотъемлемых психических свойств личности [Гуревич 2007].

Начиная с XVII в. человек выступает в роли подлинного и единственного субъекта метафизики, носителя деятельности, сознания и познания [Хайдеггер 1993]. Особая заслуга в этом принадлежит основателю рационализма Р. Декарту, в работах которого основное внимание уделяется определению субъекта как мыслящего *Я*: «я есть субстанция, вся сущность или природа которой состоит только в мышлении» [Декарт 1950: 283].

Понимание субъекта как чистого сознания получило продолжение в трансцендентализме, положения которого были разработаны представителями немецкой классической философии (XVIII – XIX вв.) в лице И. Канта, И. Фихте, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля.

В современной философии *субъект* трактуется как конкретный телесный индивид, носитель деятельности, сознания и познания, противопоставленный внешнему миру как *объекту* познания [НФЭ 2010].

Вместе с тем в ряде современных философских концепций и теорий когнитивной парадигмы научного знания наблюдается четкая тенденция к нивелированию противопоставления человека и мира, субъекта и объекта

познания. В частности, идея интегрированности человека в окружающую его социокультурную среду обусловила появление концепции «распределенного» познания и языка, в рамках которой взаимодействия человека и его среды образуют неделимое единство. Отсюда познание и язык трактуются в терминах «распределенных» в пространстве-времени, приобретая социальную и культурно-историческую обусловленность [Архипов 2009; Коули, Кравченко 2006; Матурана 1996; Cowley 2007, 2009, 2011; Järvillehto 1998; Kravchenko 2009, 2012 и др.].

В современной психологии *субъект* понимается как активное самосознающее начало духовной жизни, противостоящее внешнему миру и своим собственным состояниям сознания как объекту [БПС 2009]. Субъект-объектная познавательная установка, по мнению психологов, зарождается в эпоху средневековья и становится наиболее отчетливой в период Возрождения. В XIX в. углубляется содержание понятия *субъект*. Выдвигается идея об основополагающей для развития психики связи сознания человека с внешним миром [Вундт 1897; Выготский 2005; Лурия 2006; Сеченов 1952 и др.]

В середине XX в. были сформулированы основы теории восприятия как сложного психического процесса взаимодействия человека и мира, в основе которого лежат различные ощущения человека, связывающие его с внешней средой и внутренними процессами организма [Барабанчиков 2006; Лурия 2006; Сеченов 1952 и др.].

Современные представители когнитивной психологии и эпистемологии отрицают четкое противопоставление человека и окружающей его среды, но, напротив, подчеркивают их целостное единство (концепция «организм-среда» [Järvillehto 1998, 1999, 2000, 2009]). Познающий субъект не дистанцирован от изучаемого мира, а находится внутри него, погружен в природную и социальную действительность.

Проблемы субъекта, субъектности/бессубъектности являются широко обсуждаемыми представителями различных лингвистических парадигм при рассмотрении категории «безличность» и безличных предложений.

Наиболее ранние описания безличных предложений представлены в работах Ш. Балли, Ф. И. Буслаева, В. В. Виноградова, А. Х. Востокова, М. М. Гухман, С. Д. Кацнельсона, А. Мейе, А. М. Пешковского, А. А. Потемни, М. И. Стеблин-Каменского, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова, В. Н. Ярцевой, W. van der Gaaf, H. Sweet, F. Visser и др., внесших огромный вклад в их изучение.

В качестве грамматических особенностей безличных предложений, обозначающих явления природы и состояние человека в славянских и западноевропейских языках, ученые выделяли односоставную (бесподлежащую) синтаксическую структуру с одним глаголом в форме 3-го лица ед. ч. наст./прош. времени или двусоставную модель с формальным местоименным подлежащим (*es, il, it, воно, оно*), а также выражение лица, испытывающего то или иное психофизическое состояние, формой косвенного падежа (дат. или винит.). К семантическим особенностям «безличных»

предложений языковеды относили неосознанность субъекта – каузатора природных явлений и независимость внутренних психофизических состояний от его носителя.

На основании отсутствия субъекта в безличных предложениях, номинирующих явления природы, одни ученые относили их к «бессубъектным» [Гак 2000; Кацнельсон 1972, 2001; Потебня 2010; Шведова 1980 и др.], другие считали, что субъект безличного предложения скрыт в окончании глагола-предиката 3-го лица ед. ч. [Адмони 1955; Будде 1913; Буслаев 1863; Колшанский 2005]. В отношении односоставных предложений со значением внутреннего состояния лица взамен термина «безличность» предлагались варианты иных трактовок: «условно-безличные» [Gaaf 1904; Rocheptsov 1997], «бесподлежащие» [Elmer 1981; Lightfoot 1977], «экспериментальные» [Allen 1999; Langacker 2009].

Исследователи, изучавшие синтаксические единицы разной степени сложности в английском языке, традиционно рассматривают безличные предложения, обозначающие явления природы и состояние человека, в рамках единой категории «безличность». В качестве основных критериев их трактовки выступают: невыраженность лица – субъекта действия, отсутствие подлежащего или заполнение его позиции формальным, семантически опустошенным личным местоимением 3-го лица ед. ч. *it*, не имеющим референтной соотнесенности с субъектами или объектами внешней действительности [Гухман 1945; Расторгуева 1954, 1959, 2009; Ярцева 1961; Elmer 1981; Gaaf 1904; Visser 1963; Wahlen 1925 и др.].

В современной лингвистической когнитивно-коммуникативной парадигме центральным фактором, определяющим специфику тех или иных явлений языка признается человек. Языковая личность рассматривается в качестве познающего реальный мир человеческого индивида, субъекта чувственного восприятия, наблюдателя, который может совпадать или не совпадать с говорящим (субъектом речи) [Верхотурова 2006, 2009, 2010; Кравченко 1993, 2004; Матурана 1996]. Способность человека к чувственному восприятию, отмечают когнитологи, лежит в основе мыслительных процессов, благодаря которым происходит интерпретация получаемой информации и ее соответствующая вербализация, а человек-наблюдатель, таким образом, как перцептивно-когнитивный языковой субъект, находящийся в неразрывной связи с наблюдаемым в ходе своего постоянного взаимодействия с внешним и внутренним миром, выступает системообразующим фактором в языке [Кравченко 1993]. «Все сказанное сказано наблюдателем» [Матурана 1996: 97]. Подобная интерпретация наблюдателя наделяет его свойствами различных субъектов, в частности, субъекта говорящего, субъекта восприятия и познания, субъекта оценки, субъекта мнения и пр. с доминирующей позицией субъекта восприятия [Верхотурова 2009]. Данная трактовка субъекта-наблюдателя принята в реферируемом исследовании в качестве рабочей ввиду того, что изучаемый языковой материал представляет собой вербализованный результат не только первичного, индивидуально опытного этапа чувственного познания

субъектом действительности, но отражает также процессы когнитивной обработки воспринятого, оценку и отношение к наблюдаемому.

Познавательная деятельность субъекта-наблюдателя первичного уровня, основанная на его индивидуальном перцептивном опыте, составляет содержательную сторону феноменологического знания, отражающего то, что человек видит в мире [Кравченко 1996, 2003, 2004]. При каждом отдельном моменте контакта человека со средой происходит наложение на воспринимаемые им предметы и явления действительности уже существующего концептуально структурированного знания индивида, отражающего то, как человек понимает мир. Структуральное (вторичное) знание, накопленное многими поколениями определенного языкового сообщества, есть продукт категоризирующего мышления, оно не является результатом простой регистрации наблюдаемого, а формируется в ходе социальных взаимодействий субъекта, закрепляясь впоследствии в грамматическом строе конкретного языка [Кравченко 1992, 2004, 2009].

Вербальные структуры, образующие систему естественного языка, порождаются и воспринимаются, по мнению ученых-биокогнитологов, в динамически сложном контексте взаимодействий, включающем различные аспекты (физический, биологический, эмоциональный, социокультурный, онтогенетический, исторический и др.). Тем самым языковые структуры являются компонентом человеческого мира, и их изучение невозможно в отрыве от той среды, в которой они функционируют в процессе языковых взаимодействий человека [Коули 2009; Кравченко 2004, 2013; Cowley 2011]. Приобретая социокультурную обусловленность, язык, по замечанию Т. Ярвилехто, является отражением истории развития человечества и его культуры, выступает историческим хранилищем результатов взаимодействия между людьми. В этой связи изучение развития языка определенного языкового сообщества позволяет проследить эволюцию сознания его представителей [Järvillehto 2000]. Язык, таким образом, является не автономным образованием, он антропоцентричен и антропоморфен по своей природе, интегрирован в среду, в которой живет и действует человек.

Языковые формы представляют собой результат познания мира человеком и, следовательно, все грамматические конструкции имеют когнитивный статус, наделены определенным концептуальным содержанием, носящим нередко обобщающий характер [Лакофф 2004; Лангакер 1992; Langacker 1990; Smith 2005]. Разнообразие языковых структур означает многообразие способов категоризации и концептуализации человеком воспринимаемого явления или ситуации.

На основании рассмотрения и с учетом взглядов ученых, представляющих различные направления в философии, психологии, традиционной и когнитивной лингвистике, на проблему субъекта и, в частности, субъекта безличных предложений, в реферируемом исследовании *субъект* понимается широко: как субъект речи, субъект восприятия, субъект мысли, как производитель действия или носитель состояния. Субъект

соотносит свой вербализованный, чувственно воспринятый и когнитивно обработанный результат с внешним миром, указывает на нечто во внешнем мире (лицо, предмет, ситуацию и т. п.), т.е. устанавливает референцию и одновременно выделяет это нечто из ряда ему подобных. В поверхностно-синтаксической структуре безличного предложения субъект всегда представлен эксплицитно или имплицитно.

Во второй главе «Становление и развитие “безличных” предложений, номинирующих явления природы» осуществлен когнитивно-дискурсивный и структурно-семантический анализ эволюции исследуемых языковых единиц в древне-, средне- и ранненовоанглийском языке. Пересмотрен статус местоимения *(h)it*, предложена новая трактовка исследованных предложений английского языка на основе положений современной биологически ориентированной когнитивной парадигмы научного знания.

Язык, как отмечают когнитологи, являясь важнейшим средством отражения окружающей действительности, закрепляет и сохраняет накопленные человеком знания, полученные в результате его непрерывного взаимодействия с окружающим миром. Отсюда сущность языка заключена в его неразрывной связи с человеком, включая сложную динамику всех его внутренних систем и процессов (когнитивных, перцептивных, физиологических, нейробиологических и пр.), а языковые формы являются отражением опыта и знаний познающего внешний и свой внутренний мир субъекта и «укоренены» в перцептивных процессах человека [Кравченко 2001, 2013; Кубрякова 2004]. Все, что выражено посредством языка, пропускается через человека и осознается прежде всего человеком, причем человеком наблюдающим [Матурана 1996]. Этот главный тезис биокогнитивной теории познания означает, что анализ любого языкового факта должен обязательно учитывать перцептивные особенности говорящего человека (субъекта речи) как наблюдателя, т. е. как познающего субъекта в физической и социокультурной среде, с которой он вступает во взаимодействие, и на изменения которой он реагирует, находясь с ней в состоянии взаимообусловленной каузации.

Понятия наблюдателя и наблюдаемости (перцептивности) являются, как свидетельствует исследуемый фактический материал, очень важными при анализе безличных конструкций, номинирующих явления природы, в значении которых закреплён феноменологический статус знания, т. е. знания о «видимом», чувственно воспринимаемом объекте реальной или воображаемой (существующей в памяти) действительности, что подразумевает обязательное наличие субъекта перцепции (наблюдателя), воспринимающего природное явление органами чувств своей визуальной, слуховой, либо тактильной сферы и формирующего вербальное воплощение своего чувственного опыта. Процесс перцепции, как известно, не существует сам по себе, он инициируется и управляется конкретным индивидом, воспринимающим явления, события окружающей действительности, находящиеся в зоне его перцептуального пространства (непосредственной пространственной сферы, доступной органам чувств наблюдателя), вне зависимости от того, представляют ли они текущее,

прошлое или воображаемое им явление.

Иными словами, в семантическую структуру безличных предложений, номинирующих явления природы, обязательно включен субъект-наблюдатель, воспринимающий определенное явление природы своими органами чувств, отражая воспринятое в языке.

Развиваемый в современной биокогнитивной науке и когнитивной психологии холистический подход к процессу познания убедительно постулирует мысль о том, что человек, благодаря множеству чувственных рецепторов, распределенных по всему телу, взаимодействует с окружающей средой целостно, воспринимая происходящее вокруг него всем своим существом [Järvilehto 1998]. Взаимодействуя с окружающей средой целостно (общетелесно), раннесредневековый человек, занимаясь преимущественно охотой и сельским хозяйством, ощущал тесную связь с природной средой, от которой напрямую зависели его жизнь и благополучие. Испытывая непрерывное воздействие внешнего мира в процессе своей жизнедеятельности, он воспринимал естественные явления и процессы окружающей его среды всем своим телом, т.е. посредством участия всех сенсорных систем организма. Так, он не только видел солнечный свет, но и ощущал его тепло, наблюдал грозу не только зрительно, но при этом слышал раскаты грома, ощущал влагу на своем теле, испытывал страх и т. д. Вследствие этого наблюдаемое становилось неотъемлемой частью психического и телесного опыта наблюдателя. Наблюдаемые природные явления человек не воспринимал отдельно от себя, поскольку они заполняли все видимое, слышимое, ощущаемое им пространство, частью которого являлся и он сам. Отсюда, вербализуя свой опыт о происходящем, человек формировал предложения в виде бесподлежащих конструкций, не обозначая субъекта действия, который, однако, имплицировался формой предиката как некое бессознательное «оно» [Фрейд 1990] .

Gif on frigedæg *geþunr-eð*, þonne getacneð þæt nytena cwealm (1050–1150 Prognostics 1.2, 6). Если в пятницу гремит, это знак падежа скота.

Nap nihtscua, norþan *sniw-de*, hrim hrusan bond, hægl feol on eorþan, corna caldast (950–1050 The Seafarer, 31). Наступила ночь, с севера заснежило, мороз сковал землю, град сыпал ледяной крупой.

Активный, динамичный характер среды в восприятии раннесредневекового человека преобладал над его интелликтивной активностью. Ощущение своей полной слитности, единения с окружающей средой, «встроенности» и зависимости от неизвестной, а потому всемогущей и пугающей стихии (среды), способствовало пониманию человеком своей роли как одного из участников всего происходящего.

Результатом дальнейшего перцептивно-когнитивного освоения раннесредневековым человеком естественной среды явилось перенесение на нее собственных свойств и качеств. Осмысление нового и непонятного, как известно, совершается посредством сравнения с уже известным. Осознавая себя активным действующим существом, человек стал приходить к пониманию

определенных явлений внешней среды (*regn* – дождь, *wind* – ветер, *storm* – буря), способных к движению, изменению, т. е. проявлению жизни, как одушевленных и деятельных существ, ощущая тем самым свою общность с природной средой.

Se *swearta storm* norðan and eastan *benumen hæfde* leafa gehwelces ðurh þone *laðran wind* (a1000 Boethius, Meters, 4.21). Эта зловещая буря с севера и востока сорвала все листья с помощью этого злого ветра.

Подобная трактовка подтверждается исследованиями ученых в области сравнительно-исторического языкознания (Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов, А. Мейе, Ю. С. Степанов, Г. А. Климов и др.). Согласно их исследованиям, метеорологические существительные готского, древнеанглийского и других германских и, шире, и.-е. языков (*wind*, *storm* и пр.), являясь именами активного класса, отражают остатки общеиндоевропейского членения всех предметов окружающего мира на одушевленные / неодушевленные, или активные / инактивные, что выражалось в языке посредством определенных основообразующих формантов. В категорию активных, одушевленных предметов попадало все, что движется, все, что действует, т. е. объекты, способные оказывать на человека какое-либо воздействие и, соответственно, представляющие потенциальную опасность для его жизни. Активные существительные, в свою очередь, могли сочетаться только с активными глаголами, обозначающими движение, перемещение, изменение и пр., в число которых входили и так называемые метеорологические предикаты (*freosan* – морозить, *rignan* – идти (о дожде), *sniwan* – идти (о снеге), *(ge)þunrian* – греметь и пр.) [Гамкрелидзе, Иванов 1984; Гурочкина 2013; Климов 1977; Мейе 1938; Сильченко 2010; Степанов 1989 и др.].

Кроме того, большая часть древнеанглийских существительных, номинирующих метеорологические процессы, исторически принадлежат к м. р., отражая тем самым древнюю ассоциативную связь их референтов с мужским началом, характеризуемым как нечто сильное, опасное, агрессивное. В этой связи в древнеанглийском предложении имена натурфактов замещаются местоимением м.р. *hē*, несущим в себе архаичное понятие «живой», «способный к движению», «опасный».

Ða *cwom* þær semninga swiðe micel *wind & gebræc*, & to þæs *unheorlic se wind* geweoх þæt *he* þara ura getelda monige *afylde* (950–1050 Alexander's Letter to Aristotle, 30.3, 11). Затем пришел внезапно очень сильный ветер и шум, и ветер сделался такой свирепый, что он много наших палаток повалил.

В приведенном примере наблюдатель-говорящий, участник описываемых в тексте событий, сталкиваясь с разбушевавшейся стихией, ощущает на себе ее воздействие (холод, страх) и воспринимает это как проявление деятельности «живого существа» – *he*, недружелюбного и агрессивного. Действия такого «существа» фиксируются в языке посредством активных древнеанглийских предикатов – *cuman* (приходить, идти) и *afyllan* (опрокидывать).

Рассмотренные примеры демонстрируют процесс и результат концептуализации и категоризации окружающего мира раннесредневековым

человеком, образ которого воплощает говорящий – наблюдатель. Мир представляется таким, каким его видит и осознает субъект-наблюдатель. Воспринимая мир как единую материальную субстанцию, частью которой является он сам, субъект-наблюдатель приписывает определенную активность наблюдаемым природным явлениям. При этом в поверхностной структуре предложения наблюдатель как таковой часто не выражен, но всегда имплицитно присутствует посредством реализации признака активности элементов окружающего мира. Наделяя активными свойствами сами природные явления, наблюдатель вербализует свой чувственный опыт (слуховой, визуальный, эмоциональный) посредством разнообразных лексических единиц перцептивной семантики типа: активных древнеанглийских предикатов *bindan* (сковывать), *cnyssan* (ударять, нападать), *hreosan* (обрушиваться), *anforlætan* (ослабевать, стихать), *wedan* (бушевать), прилагательных *hlud* (громкий), *sweart* (зловещий), цветообозначающих единиц (*liht*, *graye*, *blak* и др.), наречий места (*ofer eall*, *oute* и др.), времени (*sone*, *lange* и др.), образа действия (*thicke*, *faste* и др.). Отмеченные и подобные языковые средства указывают на наблюдаемость ситуации одушевленным субъектом восприятия.

С распространением и укоренением христианского мировоззрения различные природные явления стали осознаваться, прежде всего, как имеющие Божественное происхождение.

God asende swyðe mycel ren ofer ealne þone dæg mid *egeslicum ðunore* ... (c1000 Ælfric's Lives of Saints, 90). Бог послал сильный ливень, продолжающийся целый день, и страшный гром ...

Двусоставные предложения, обозначающие явления природы, в субъектной позиции которых выступают активные природные стихии, мифологические существа, Бог, традиционно не относятся учеными к разряду безличных ввиду эксплицитного представления в них субъекта-подлежащего. Привлечение к анализу данных конструкций обусловлено тем, что они функционировали параллельно с двусоставными предложениями, в которых в позиции подлежащего выступало местоимение *(h)it*, в том числе в пределах одного предложения.

Drihten freniaþ rihtwisnesse & arleasnesse þe ðe þonne soþlice lufaþ unriht hataþ sawle his. *Hit rinþ* ofer þa synfullan grin fyres & sweflenrec & gast storma dæl þrowung heora (950–1050 Psalms, 10.6–10.7). Бог взывает к праведникам и нечестивым, кто любит беззаконие, тот ненавидит свою душу. [Бог] проливает дождем огонь и серу на грешников и [посылает] бурю в наказание их.

Контекстуальный анализ таких предложений позволил выявить семантическую полноценность местоименного подлежащего *(h)it*, замещающего в каждой конкретной ситуации контекстуально обусловленный референт, подразумеваемый в роли субъекта «безличного» предложения.

Двусоставная структура «безличного» предложения с подлежащим *(h)it*, начиная со среднеанглийского периода, становится продуктивным средством описания природных явлений и окончательно закрепляется в ранненовоанглийский период как итог категоризации в языковой форме

многовекового опыта англоязычного социума – его структурального знания.

Закрепление в грамматическом строе английского языка двусоставной субъектно-предикатной модели «безличного» предложения означает его структурно-семантическое усложнение, отражает более сложное представление субъектом восприятия наблюдаемой ситуации, выделение двух ее частей – субъекта действия или носителя признака и самого действия или признака.

В большинстве случаев, как свидетельствует исследованный материал, обобщенным воплощением роли субъекта-каузатора в изучаемых предложениях, замещаемым местоимением *(h)it*, выступает само природное явление или процесс, находящиеся в поле зрения наблюдателя, его перцептуальном пространстве (явление + среда). Подобная трактовка содержания субъекта «безличного» предложения обусловлена тем, что природные явления имеют максимально рассеянную, «размытую» в пространстве сферу распространения, являясь своего рода «заполнителями» определенного фрагмента внешней действительности. Они неотделимы от природной среды, в которой возникают и становятся доступными чувственным рецепторам наблюдателя, который идентифицирует их и, вербализуя свой перцептивный опыт, указывает на них средствами языка. То есть местоимение *it* как языковой дейктический символ свидетельствует об обязательном имплицитном присутствии дейктического центра – наблюдателя, отраженного в глубинной семантической структуре предложения в следующем виде: «Я наблюдаю/наблюдал (вижу, слышу, ощущаю ...), что здесь идет дождь, снег, дует ветер ...».

Замещая широко трактуемого субъекта-каузатора как комплексного природного явления, находящегося в перцептуальном пространстве наблюдателя, местоимение *(h)it* передает одновременно значение различной степени отражения этого пространства, реализуя функции анафорического, локализованного и нелокализованного дейксиса.

Местоимение *(h)it* в функции *контекстуального (анафорического) дейксиса* замещает ранее упомянутый в тексте антецедент, в роли которого выступает отдельный природный элемент (натурфакт) или Божественный субъект действия.

The *wind* aros, the weather derketh, *It blew* and made such tempest ... (a1393 Confessio amantis, 8.605). Поднялся ветер, вокруг стемнело. Задул ветер, и разыгралась такая буря

Effft sone he badd o *Drihhtin Godd* Patt *itt* ta *shollde rezznenn* ... (c1200 Ormulum, 8694). Вскоре после того, как он [Илия] помолился Господу Богу, чтобы [Он] послал дождь

В функции *локализованного, наглядного дейксиса* (deixis ad oculus) местоимение *(h)it* замещает и указывает на определенное явление природной среды. Локализованный дейксис всегда связан с определенным наблюдателем и конкретной ситуацией наблюдения.

Then *it began to thonner and hale* and made strong wedre (c1450 King Ponthus, 44/6). Затем [гром] начал греметь, пошел град, и погода испортилась.

В функции *нелокализованного, мысленного дейксиса* (*deixis ad phantasma*) местоимение (*h*)*it* замещает и указывает на природные явления, не связанные с конкретной перцептивной ситуацией и конкретным наблюдателем, но известные говорящему на основании уже существующего, структурального знания об окружающем мире. В данном случае говорящим осуществляется мысленный перенос дейктического центра в произвольное место пространства и времени, вследствие чего в роли потенциального наблюдателя выступает собирательный образ человека как члена социума.

Ouir wild is many ways wraiste as þe wedire skiftis ... Quen *it is briȝt* all a-bowte it blithis oure hertis ... And quen *it walows & wannes*, all oure [witt] thestres (MED c1450 The wars of Alexander, 4624, 4627). Наше внутреннее состояние во многом зависит от погоды ... Когда вокруг солнечно, нам радостно ... А когда пасмурно и темно, наше [настроение] портится.

Таким образом, местоимение *it*, выступающее в функции подлежащего в исследуемых предложениях, рассматривается как заместитель некоего широко трактуемого субъекта – субстанциально-деятельностного единства, демонстрирующего и отражающего воплощение и реализацию всего предшествующего опыта наблюдения человеком за окружающим миром, опыта, накопленного многими поколениями англоязычного этноса, что и получило закрепление в грамматическом строе английского языка в виде двусоставной субъектно-предикатной модели предложения, с местоименным субъектом *it* в функции подлежащего, согласуемым с формой глагола 3-го л. ед. ч.

Третья глава «Становление и развитие “безличных” предложений, номинирующих состояние человека» посвящена когнитивной интерпретации эволюции указанных языковых единиц в истории английского языка.

Наряду с вышеописанными предложениями, обозначающими явления природы, отечественные и зарубежные исследователи традиционно относят к безличным конструкции, номинирующие различные физические, ментальные и эмоциональные состояния человека, типа *þa welegan* (вин. п.) *cale* – тех богатых морозит, *me* (дат. п.) *þynceð* – мне кажется, *me eglieth* – мне беспокоит.

Ощущая тесную связь с окружающей его средой, и не имея достаточных знаний о природе как естественных физических явлений и процессов внешней среды, так и собственных внутрителесных процессов и состояний, раннесредневековый человек чувствовал свою полную зависимость от окружающей его действительности, живой и активной в его восприятии, непрерывно воздействующей на все его телесное пространство (внешнее и внутреннее), вызывая в нем определенную физическую и психоэмоциональную реакцию (внутренние состояния и ощущения).

Невыделенность, «встроенность» субъекта в среду, его телесно-ментальное сцепление с ней, постоянное воздействие среды на субъекта и его взаимодействие с ней получило свое отражение на языковом уровне в оформлении субъекта состояния в исследуемых предложениях посредством косвенного падежа (дательного или винительного), а глагола в форме 3-го лица

ед. ч. настоящего или прошедшего времени. Косвенный падеж и морфологический формант глагола служат указанием на некий, подразумеваемый источник-каузатор внутрителесного состояния человека, связывающий его с определенным событием, ситуацией, положением вещей окружающей его среды.

Чувствуя свое единение с окружающей его средой, раннесредневековый человек был убежден, что источником его внутрителесного состояния являлось «нечто» или «некто» во внешней среде (дух, божество и пр.), воздействующее на его организм (*среда + человек-наблюдатель*). Реликтами подобных представлений являются многочисленные метафорические образы, зафиксированные в языке раннесредневековых англосаксов.

Hine gelæhte unasescendlic *adl* (с995 Ælfric's Homilies, 221.127). Его схватила страшная болезнь. *Hine gedrehte* singal *slepleast* (с995 Ælfric's Homilies, 221.138). Его терзала непрекращающаяся бессонница.

С течением времени, по мере накопления опыта и знаний эмоционально-аффективное восприятие раннесредневековым человеком внешнего мира и своих внутренних состояний значительно изменялось. Переосмысление средневековым человеком причин собственных физических состояний привело к пониманию их не как посылаемых и управляемых неким духом или мистической силой, а как вызванных определенными условиями внешней среды, а также физиологическими особенностями самого организма человека. Пришло понимание того, что физические состояния человека всегда имеют в качестве причины соответствующий материальный источник-раздражитель, локализованный во внешней среде, как в случае с ощущением *холода*, *тепла*, или во внутренней сфере человека, например, при ощущении *голода*, *жажды* и пр.

<Hwæðer> þa *welegan* (вин. п.) nu næfre ne <*hingrige*> ne ne *þyrste*, ne ne *cale?* (с888 Ælfred's Boethius, The Consolation of Philosophy, 26.60.10). Разве тех богатых никогда не мучает ни голод, ни жажда, ни холод?

Ряд других физических ощущений человека, таких как *боль*, *болезнь*, *улучшение* или *ухудшение самочувствия* и др. могут быть вызваны как внешними факторами, так и внутрителесными физиологическими причинами.

Neo geleafde þæt *hiere* (дат. п.) sona *wel wære* æfter his blætsunge (с900 Bede 5, 3.392.8). Она верила, что ей сразу будет лучше после его благословения.

Him (дат. п.) *geyfelade*, & þet *him* stranglice *eglade* (a1160 The Anglo-Saxon Chronicle, 1086.43). Ему нездоровилось, что ему доставляло сильное беспокойство.

Начиная с середины X в. глаголы физического состояния начинают функционировать в двусоставных конструкциях с субъектом состояния в им. п. Первыми двусоставное оформление получили предложения, обозначающие состояния голода и жажды, например:

Se hælend ... cuoed *ic ðyrsto* (с950 The Lindisfarne Gospels, John, 19.28). Иисус говорит: Я жажду.

Помимо нарастающей тенденции обязательного наличия подлежащего в

простом повествовательном предложении английского языка, появление двусоставных конструкций, обозначающих состояния голода и жажды, могло быть вызвано и другими причинами. Физиологические ощущения голода и жажды, в противовес иным ощущениям и состояниям, характеризуются большей осознанностью и осведомленностью человека о сущности и причинах подобных состояний, что и могло получить отражение в постановке субъекта восприятия в позицию подлежащего как самосознающего и/или интенционально действующего лица.

В течение всего среднеанглийского периода вплоть до XVI в. предложениям, номинирующим физическое состояние человека, была свойственна синтаксическая вариативность. Кроме односоставных «безличных» конструкций были распространены соответствующие двусоставные предложения глагольного или именного типа. В роли именного члена составного сказуемого употреблялись однокоренные лексические единицы (прилагательные, существительные, причастия прошедшего времени).

He hefde þurst and hunger and chele (c1175 Old English Homilies, 79). Он почувствовал жажду, голод и холод.

В период становления литературной нормы английского языка (XVI – XVII вв.) для описания физического состояния человека закрепляются двусоставные конструкции глагольного и именного типа. При этом одни конструкции служили для описания общетелесного, генерализованного состояния субъекта восприятия типа:

If *he had not hungred* till then, his fasting had had no vertue (OED a1631 Donne, *Biathanatos*, II, 6.5.). Если бы он столько не воздерживался в пище, его пост не принес бы вознаграждения.

Другие предложения использовались для вербализации локализованных телесных ощущений человека, сосредоточенных в одном органе или части тела.

My hand is so ill as I know not when I shall be able to travel (OED 1628 Winthrop, *History of New England*, I, 420). Моя рука так больна, что я не знаю, когда смогу отправиться в путешествие.

Таким образом, по мере расширения средневековым человеком обыденной и естественнонаучной сферы познания, углубления знаний в области функционирования живого организма, мистические представления о таинственном субъекте-деятеле, каузаторе его состояния рассеивались. Процессы и состояния во внутрителесном пространстве человека более не мыслились отчужденно от него самого как следствие мистического воздействия извне, но трактовались в качестве неотъемлемых функциональных процессов жизнедеятельности человека, постоянно и целенаправленно контактирующего с окружающим миром (*человек ↔ среда*).

В основе формирования безличных предложений, обозначающих ментальные и эмоциональные состояния человека, как и в рассмотренных выше конструкциях, обозначающих природные явления и физические состояния человека, лежит, прежде всего, феноменологическое знание.

Состояния психической активности живого организма (человека) всегда

маркированы по признаку наблюдаемости, воспринимаемости конкретным познающим субъектом, независимо от того, идет ли речь о самонаблюдении (*me þynced* – мне кажется), или о наблюдении психического состояния иного субъекта, отличного от говорящего (*him ofðynced* – ему жаль).

Сущность психических состояний человека лежит в тесной взаимосвязи и взаимозависимости человеческого организма и окружающей его среды, т. е. явлений, событий и ситуаций внешней действительности, вызывающих в познающем субъекте ментально-эмоциональную реакцию на воспринимаемое. Иными словами, источником внутрителесного состояния для раннесредневекового человека была среда, с которой человек ежедневно сталкивался и на события которой он чувственно реагировал, воспринимая происходящее всем своим существом.

В древнеанглийском языке «безличные» предложения, номинирующие ментальные состояния человека, строились при помощи глаголов типа *tweogan* (сомневаться), *misþyncan* (заблуждаться), *þyncan* (казаться) и др. Подобные процессы мыслительной деятельности субъекта всегда связаны с некими объектами, событиями, являющимися частью повседневной жизни человека. Отсюда в структуру предложения включен, как правило, предмет мысли, некий объект реальности, на который направлена ментальная активность человека, представленный в предложении дополнением в форме род. п., инфинитивным оборотом или придаточной частью.

Ne *þynced me* (дат./вин. п.) *gerysne þæt we rondas beren eft to earde* (с1000 *Beowulf*, 2653). Мне кажется неподобающим, что мы унесем наши щиты обратно домой.

Древнеанглийские «безличные» глаголы, обозначающие эмоциональные состояния человека, можно условно разделить на две группы: номинирующие положительные или отрицательные эмоции. Оба класса глаголов характеризовались наличием большого числа синонимичных единиц: глаголы *hreowan*, *gehreowan*, *ofhreowan* и др. употреблялись в значении «вызывать сожаление»; *sceamian*, *gesceamian*, *forsceamian* в значении «вызывать стыд»; *langian*, *lystan*, *gelystan* в значении «вызывать сильное желание» и др.

Hu lustbærlice tida on ðæm dagum wæron ... þæt *us* (дат./вин. п.) nu æfter swelcum *longian mæge* swelce þa wæron (с893 *Alfred's Orosius* 2, 5.48.26). Какие прекрасные времена были в те дни ..., что нам теперь не хватает того времени, какое тогда было.

В конце древнеанглийского периода ряд глаголов ментально-эмоциональной семантики (*tweonian* «сомневаться», *ofhreowan* «сожалеть», (*ge*)*lician* «радоваться» и др.) функционировал параллельно в двусоставных конструкциях с субъектом восприятия в функции подлежащего. К примеру:

Ic (им. п.) *yfeldæda ær gescomede* (950–1050 *Juliana*, 712). Я стыдился своих прошлых злодеяний.

В подобных двусоставных предложениях, в противовес их односоставным коррелятам, субъект восприятия выступает активным лицом, интенционально направляющим свое сознание, внимание, действия на объекты

внешнего мира.

В течение среднеанглийского периода «безличные» предложения стали продуктивным средством описания психических состояний человека. В это время в систему языка вошло множество глаголов ментально-эмоциональной семантики как германского происхождения (*gramen* «огорчать», *aien*, «вызывать страх», *wondren* «удивлять», *menen* «вспоминать» и др.), так и образованных от заимствованных корневых основ (*plesen* «доставлять удовольствие», *repenten* «вызывать сожаление», *sēmen* «казаться» и др.). Подавляющее большинство этих глаголов наряду с односоставной конструкцией широко функционировали в двусоставной конструкции с субъектом состояния в именительном падеже.

В древне- и среднеанглийском языке для описания психических состояний человека использовались также односоставные именные конструкции с прилагательным или существительным в роли именной части сказуемого: *torn* (печальный), *leof* (приятный), *lust* (желание), *wō* (< OE *wa*) (несчастный, печальный) и др.:

Him (дат. п.) *wæs* metes micel *lust* (с995 Ælfric's Catholic Homilies, 221.129). Ему нестерпимо хотелось есть. **Him** (дат. п.) *was* so *wo* he wex nere wode (MED a1425 Northern Homily, Legendary, 23/208). Ему было так горько, что он едва не лишился ума.

Среднеанглийский период для предложений со значением психического состояния человека являлся периодом максимального синтаксического варьирования. В это время широкое распространение получила двусоставная конструкция с подлежащим (*h*)*it* в анафорической или катафорической функции, что служило для сохранения в предложении формы косвенного падежа субъекта восприятия как маркера его неактивной роли, неконтролируемости им своего состояния. Такая синтаксическая модель была характерна для глаголов *liken*, *plesen*, *greven*, *repenten*, *remembren* и др.:

It ne remembreth me nat that evere I was so fre of my thought (MED a1425 Chaucer, Boece, 3.3.34). Мне не помнится, чтобы я когда-либо был настолько свободен от своих мыслей.

It greveth me to se hym in this case (OED 1530 Palsgrave, Lesclarcissement, 575/1). Меня огорчает видеть его при таких обстоятельствах.

Односоставные предложения к XV – XVI вв. практически вышли из употребления. В период становления литературной нормы английского языка (XVI – XVII вв.) для описания психофизического состояния человека используются двусоставные предложения нескольких структурно-семантических типов, преобладающим из которых является конструкция с субъектом восприятия в роли подлежащего.

Переход «безличных» предложений от односоставной модели к двусоставной структуре обусловлен, как представляется, несколькими факторами: системно-языковыми причинами, когда существительное или местоимение в привербальной позиции стало трактоваться в качестве подлежащего предложения, а также определенными культурно-историческими

процессами в развитии общества, оказавшими влияние на эволюцию мировоззрения человека.

Расширение человеком границ познания и самопознания в различных сферах жизнедеятельности привело к изменению раннесредневековой картины мира англоязычного этноса в направлении эгоцентрической установки сознания личности позднего средневековья, что проявилось в ощущении человеком себя в роли независимого субъекта сознания и познания, целостно и целенаправленно взаимодействующего со средой. По сути, внутреннее состояние человека есть его индивидуально-субъективная, телесно-эмоциональная реакция на некие события и процессы материального мира, внешнего или внутреннего, в результате взаимодействия с которым у субъекта восприятия остаются «информационные следы» – ощущения, впечатления, знания.

Таким образом, двусоставное построение предложений названного типа соответствовало установившимся нормам синтаксического строя английского языка как концептуально структурированный и социально воспринятый результат опыта многих индивидов, сложившегося в процессе многократного взаимодействия с миром, включая внутренний мир самого наблюдателя.

Заключение

Проведенное исследование, посвященное эволюции предложений английского языка, обозначающих явления природы и состояние человека, позволило установить, что ключевой фигурой (категорией) исследованных языковых единиц выступает «перцептивно-когнитивный языковой субъект» – наблюдатель-говорящий как одушевленный субъект чувственного восприятия, когнитивной и языковой деятельности в целом.

В данных предложениях субъект речи-наблюдатель либо получает эксплицитное представление в их поверхностно-синтаксической структуре, либо имплицитно определяется посредством различных лексических и грамматических средств.

Понятия наблюдателя и наблюдаемости (перцептивной деятельности) самым тесным образом связаны с семантикой исследованных конструкций. В их значении отражен, прежде всего, феноменологический статус знания, т. е. знания о наблюдаемых, чувственно воспринимаемых явлениях, событиях, ситуациях, процессах, происходящих в реальной или воображаемой (существующей в памяти) окружающей человека действительности или в его внутреннем мире.

Эволюция исследованных предложений английского языка на протяжении древне- и среднеанглийского периодов заключалась в переходе от односоставной структуры предложения к двусоставной, отражая развитие познания и самопознания человека в изменяющейся временной и социокультурной среде англосаксов.

На раннем этапе развития английского языка изучаемые предложения характеризовались формальным отсутствием субъекта действия или состояния в позиции подлежащего и включали лишь глагол-предикат, что отражало особенности восприятия мира раннесредневековым человеком, его общетелесную интегрированность в окружающую среду – природную, культурно-историческую, социальную (*среда + человек-наблюдатель*). Активный, динамичный характер среды в восприятии раннесредневекового человека преобладал над его физической и интелликтивной активностью. Ощущение своей полной слитности, единения с окружающей средой, «встроенности» и зависимости от неизвестной, а потому всемогущей и пугающей стихии (среды), способствовало пониманию человеком своей роли как некоего объекта внешнего воздействия со стороны происходящего вокруг.

Дальнейшее перцептивно-когнитивное освоение раннесредневековым человеком окружающей среды и собственного внутреннего мира, по мере зарождения и развития научного знания в естественнонаучной сфере и в области функционирования живого организма, привело к осознанию человеком себя в качестве активного субъекта, осознанно наблюдающего и осмысляющего происходящее во внешней среде и в своей внутренней сфере (*человек ↔ среда*). Природные явления стали трактоваться как результат естественных физических процессов взаимодействия природных элементов, а внутрителесные состояния человека трактовались в качестве неотъемлемых функциональных свойств организма человека.

Отражением указанных культурно-исторических процессов в англосаксонском обществе явилось закрепление в английском языке двусоставной структуры исследованных предложений, представляющих результат перцептивно-когнитивного опыта многих индивидов, сформированного в процессе взаимодействия с миром, включая внутренний мир наблюдателя.

В роли субъекта-каузатора природных явлений на ранней стадии развития английского языка и картины мира англосаксов выступали различные одушевленные природные стихии, мифологические божества и пр., замещаемые впоследствии универсальным субъектом «безличного» предложения – местоименным подлежащим (*(h)it*), употребляемым в функции анафорического, локализованного, нелокализованного дейксиса. Местоимение (*(h)it*), имеющее максимально обобщенное, контекстно-вариативное значение, объединило в себе все то, что на более ранней стадии развития английского языка имплицировалось либо эксплицировалось в качестве субъекта действия в предложениях, номинирующих явления природы. Таким образом, подлежащее (*(h)it*) в реферируемой работе рассматривается как семантически наполненный дейктический элемент предложения, заместитель некоего широко трактуемого субъекта-каузатора природных явлений (активной стихии, одушевленного деятеля, конкретного натурфакта и среды его проявления), отражающего реализацию всего предшествующего опыта наблюдения средневековым человеком за окружающим миром.

Подход к языку не как к системе абстрактных языковых знаков, но как составляющей и результату когнитивной деятельности человека, способствовал более глубокому уровню анализа рассмотренных предложений, выявлению особенностей категоризации и концептуализации явлений действительности англосаксами на протяжении VIII – XVII вв., позволил определить грамматический статус так называемых безличных предложений английского языка.

Проведенный анализ позволил заключить, что так называемые безличные предложения английского языка, обозначающие явления природы и состояние человека, представляют собой языковую интерпретацию перцептивно-когнитивного опыта индивидуального субъекта-наблюдателя или социума в целом, и их грамматический статус более правомерно рассматривать как разновидность личных предложений – субъектно-субстанциональных.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Пюро, Л. Н. Безличные конструкции как наследие доминативного строя / Л. Н. Пюро // *Studia Linguistica XX. Язык в логике времени: наследие, традиции, перспективы. Сборник научных трудов.* – СПб. : Политехника-сервис, 2011. – С. 292 – 297 (0,3 п.л.). – ISBN 978-5-905183-61-4.

2. Пюро, Л. Н. Инвариантное значение и семантические сферы безличности / Л. Н. Пюро // *Герценовские Чтения. Иностранные языки: материалы межвузовской научной конференции, 19 – 20 мая 2011 г.* – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. – С. 116 – 117 (0,1 п.л.). – ISBN 978-5-8064-1651-4.

3. Пюро, Л. Н. Логико-философский и психологический подходы к категории безличности [Электронный ресурс] / Л. Н. Пюро // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал).* – 2012. – № 10 (18). – Красноярск : Научно-инновационный центр. – Режим доступа: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/10/pyuro.pdf> (0,5 п.л.). – ISSN 2218-7405.

4. Пюро, Л. Н. Философские основания лингвистической интерпретации категории субъекта / Л. Н. Пюро // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Серия Гуманитарные и общественные науки.* – СПб. : Изд-во Политехнического университета, 2012. – № 2 (148). – С. 162 – 165 (0,3 п.л.). – ISSN 1994-2354.

5. Пюро, Л. Н. Подход к категории безличности в семантическом синтаксисе / Л. Н. Пюро // *Герценовские Чтения. Иностранные языки: материалы всероссийской межвузовской научной конференции, 23 – 24 апреля 2012 г.* – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. – С. 94 (0,1 п.л.). – ISBN 978-5-8064-1696-1.

6. Пюро, Л. Н. Лингво-когнитивные особенности предложений,

описывающих явления природы и состояния человека, в древнеанглийском языке / Л. Н. Пюро // Герценовские Чтения. Иностранные языки: материалы межвузовской научной конференции, 16 – 17 мая 2013 г. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. – С. 65 – 67 (0,12 п.л.). – ISBN 978-5-8064-1846-4.

7. Пюро, Л. Н. Концептуальная структура предложений древнеанглийского языка, обозначающих состояния человека и явления природы / Л. Н. Пюро // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – СПб. : Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013 (июнь). – № 2. – Том 1 (Филология). – С. 129 – 136 (0,5 п.л.). – ISSN 1818-6653.

8. Пюро, Л. Н. Обозначение состояний человека в древне- и среднеанглийском языке / Л. Н. Пюро // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Серия Гуманитарные и общественные науки. – СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2013 (сентябрь). – № 3 (179). – С. 211 – 216 (0,5 п.л.). – ISSN 1994-2354.